

О двувидовых глаголах в болгарском языке*

Надежда Котова

В статье предлагается логический вывод из утверждения Якобсона о „видовой немаркированности“ глаголов „несовершенного вида“ в славянских языках: все глаголы „несовершенного вида“ являются „двувидовыми“. Традиционное выделение класса „двувидовых“ глаголов имплицитно опирается на глоттометрическую (вероятностную) основу: „несовершенные“ глаголы, часто появляющиеся в контекстах, которые их превращают в „совершенные“, характеризуются как „двувидовые“. „Совершенство (перфективность)“ в славянских языках — семантика, возникающая в результате осознания факта, что при генерировании глагола последней составляющей является морфема, сигнализирующая о пределе, конце.

A logical conclusion of Jakobson's view on aspectual nonmarkedness of imperfective verbs in the Slavonic languages is made: all imperfective verbs are biaspectual. The traditional separation of a class of biaspectual verbs is implicitly made on a glottometric (probabilistic) basis: imperfective verbs, often appearing in contexts that make them perfective, are characterized as biaspectual. Perfectivity in the Slavonic languages is a meaning which arises as a result of the recognition of the fact that in the generation of the verb the last component is a morpheme signaling termination.

После работ Ю. С. Маслова по теории глагольного вида и категории вида в болгарском языке, в болгарской лингвистике можно указать по меньшей мере две работы, подытоживающие многолетний труд болгарских лингвистов в области видообразования и учитывающие то новое, что появилось вообще в лингвистике (исследования других славистов-аспектологов).

Первая работа — С. Иванчева *Проблеми на аспектуалността в славянските езици* (1971), вторая — В. Станкова *Глаголният вид в българския книжовен език* (1980).

По мнению Иванчева, существуют две концепции отношений между семантикой, называемой „совершенный вид“, и семантикой „несовершенный вид“. Первую, более старую, он связывает с младограмматизмом. По этой концепции отношение между указанными двумя семантиками можно охарактеризовать как логически противоречивое. Лингвисты обычно называют его эквиполентным, т. е. семантика глагола совершенного вида = действие как целость, как законченное к моменту, на который ориентирует ситуация и/или контекст. А семантика глагола несовершенного вида = действие, не доведённое до конца в момент, на который ориентирует ситуация и/или контекст глагольной формы.

Аналогии этого отношения есть и в других областях языка, и во внеязыковой действительности. Но во внеязыковой действительности редко пользуются такими отношениями между понятиями. Чаще всего их используют в области наименований свойств предметов: *трудный — нетрудный, добрый — недобрый*. В болгарской речи подобные характеристики появляются значительно реже, чем в русской; болгары предпочитают противопоставлять *труден — лесен, добър — лош* и т. д., т. е. выражают контрарные отношения между понятиями, как в русском *добрый — злой, трудный — лёгкий* и под.

Вторая концепция, которую С. Иванчев называет структуралистской и которая предложена Р. Якобсоном, характеризует глаголы совершенного вида так же, как они характеризуются в первой концепции. Но глаголы так называемого несовершенного вида, согласно второй концепции, представляют действие без его отношения к законченности или незаконченности. Здесь вводится понятие „маркированность (признаковость, отмеченность)“. Логическое отношение между семантикой совершенного вида (маркированный член оппозиции) и семантикой несовершенного вида (немаркированный член оппозиции) согласно этой концепции называют оппозицией привативной.

* В: *Съпоставително езиковедие*, XV, 1990, 4–5, с. 203–209.

Такое название, занятое у фонологов, неудачно. В фонологии называют привативной ту же самую эквиполентную оппозицию типа лабиализованность/нелабиализованность, а эквиполентной называют оппозицию контрарную типа смычный/щелевой, т.е. *бял* — *черен*, и это может ликвидировать всё различие между младограмматической и структуралистской концепциями.

С. Иванчев предлагает новую, третью, концепцию описания отношения совершенность/несовершенство. Он пользуется понятием немаркированности в яacobсоновском смысле: А — А/не-А, но расщепляет класс глаголов несовершенного вида на два подкласса — НСВ₁ и НСВ₂. По его мнению, глаголы класса НСВ₁ маркированы признаком 'неактуальность' (Иванчев 1971, с. 240: „употреба при неограничена повторителност и в сегашно историческо време“). По этому признаку глаголы совершенного вида являются немаркированным членом оппозиции относительно НСВ₁ хотя и НСВ₁ и глаголы совершенного вида в одинаковой степени маркированы относительно глаголов НСВ₂ признаком комплексности. Глаголы НСВ₂ вдвойне немаркированы — они не имеют признака 'комплексность' и признака 'неактуальность'. Нетрудно узнать в НСВ₂ первичные имперфективы, а в НСВ₁ — имперфективы вторичные, что вносит некоторую неясность в концепцию Иванчева.

В книге В. Станкова о концепции Иванчева рассказано. Нельзя сказать, что Станков её принимает, но и раскритиковать её он не попытался. Станков как будто бы согласен с яacobсоновской трактовкой отношения семантик совершенность и несовершенство, хотя фактически он не в состоянии отойти от трактовки традиционной (по Иванчеву — младограмматической).

Иное отношение — у Маслова. Познакомившись с концепцией Иванчева, он определенно отрицает её (Маслов 1975, с. 28–47). Но и трактовка Маслова, принимающего понимание несовершенного вида как не сообщающего о целостности или нецелостности действия, фактически, в практическом анализе, также очень близка к традиционной.

Дело в том, что и младограмматики, и Л. Андрейчин, и Маслов, и Иванчев, и Станков, и, очевидно, все, кто занимается глагольным видом, принимают существование в славянских языках глаголов, которые называют „двувидовыми“, подразумевая при этом, что такие глаголы являются большим или малым подмножеством глаголов несовершенного вида. А ведь если последовательно проводить трактовку несовершенного вида как немаркированного члена привативной (субординационной) оппозиции, т. е. принять, что семантика любого глагола несовершенного вида не содержит информации о целостности (совершенности, тотальности), но не содержит и информации о нецелостности (несовершенности), то любой глагол несовершенного вида фактически является двувидовым. Любой глагол несовершенного вида может в зависимости от контекста выражать либо целостность, либо нецелостность действия, т. е. в принципе может быть использован в ситуациях и/или контекстах, требующих от адресата понять действие, названное глагольной формой несовершенного вида, как действие совершенное, законченное, целостное относительно какого-то момента, о котором идёт речь.

При трактовке семантики глаголов несовершенного вида как беспризнакового члена видовой оппозиции не имеет смысла и применение термина (и понятия) 'нейтрализация': если глагольная форма несовершенного вида сама по себе не несёт информации о законченности или незаконченности действия, нельзя говорить о нейтрализации, т. е. о сведении на нет информации, которой нет.

Несколько иначе следует оценить ставшее популярным в последние годы понятие конкуренции глагольных форм совершенного и несовершенного видов. Имеются в виду ситуации, порождающие пары фраз, одинаковых во всём, кроме глагольной формы: в одной фразе употреблена глагольная форма несовершенного вида, в другой — совершенного вида. Здесь есть что исследовать и проверять и в стилистике, и в психолингвистике, и в

социолингвистике. Но ясно одно: конкуренция является понятием, вносимым в исследование языковой практики из таких сфер человеческой деятельности, которые едва ли могут быть источником для аналогий в поведении говорящего или пишущего человека. Конкуренция, соперничество — понятия классовой борьбы, противостояния людей или человеческих коллективов в общественной жизни, и персонифицировать формы глагола, приписывая им поведение соперничающих, мало что даёт науке о языке.

В чем причины отклонения от трактовки несовершенного вида как беспризнакового члена привативной оппозиции в практике исследователей болгарского языка, при теоретическом принятии этой трактовки?

Причина прежде всего в том, что так наз. имперфективные глаголы (глаголы несовершенного вида) значительно отличаются друг от друга по вероятности их употребления во фразах, означающих целостные (перфективные) действия. Те якобы „имперфективные“ глаголы, которые относительно часто используются в подобных фразах, называются двувидовыми (биаспективами). А „имперфективные“ глаголы, для которых в силу их семантики мало вероятно появление в таких фразах, к биаспективам не относят. Однако (если судить по тому, какие фразы лингвисты-болгаристы относят к фразам, обозначающим целостные действия) в болгарской языковой практике существуют фразы, в которых замена любого якобы биаспектива любым из не причисляемых к биаспективам якобы чистым имперфективом также позволяет воспринимать обозначенное имперфективным глаголом действие как действие целостное (перфективное).

Рассмотрим две фразы:

1) *Трябва да светим вода на горния чардак* (Ив. Вазов; пример из Грамматика 1983, с. 260; биаспектив со значением перфективного действия);

2) *Светим вода и се разотвиваме.*

В первой фразе вполне возможно вместо *светим* поставить *вървим*, если вместо *вода на горния чардак* поставить *на училище*: *Трябва да вървим на училище*. И едва ли разумно будет утверждать, что, если *светим* — целостное действие, *вървим* не следует понимать как целостное действие. Ведь *на училище* указывает предел. Иначе воспринималось бы действие во фразе *Трябва да вървим към училището* (*към училището* не указывает на предел).

Фразы второго типа в ещё большей степени демонстрируют превращение не только „биаспективов“, но и любого „имперфектива“ в глагол, обозначающий целостное действие. Например: *Вървим до училището по двама и там се разделяме.*

По мнению Маслова, даже такой имперфектив, как *имам*, в сочетании с дополнением *кураж* или *смелост* становится перфективом (Маслов 1981, с. 199). Маслов не даёт примера фразы, но вполне можно предложить *Трябва да имаме кураж да кажем това на директора*. Или: *Имаме кураж да кажем на някого, че е сгрешил, но мерки за поправяне на грешката не вземем и всичко си остава по старому.*

Здесь специально приведен пример с глаголом *имам*, так как Маслов, сознавая, что этот глагол очень редко оказывается включенным во фразы, обозначающие целостные действия, всё-таки признает в принципе такую возможность.

Очевидно, в сознании лингвистов работает интуитивная глоттометрия. При чтении Маслова (1963, с. 111–114; 1981, с. 198–199) создаётся впечатление, что различие между „биаспективами“ и глаголами типа *имам* — лишь в том, что последние редко попадают во фразы указанных типов. Но это означает, что различие между „биаспективами“ и остальными „имперфективами“ — количественного порядка; оно определяется тем, часто или редко попадает тот или иной „имперфектив“ в перфективирующие фразы. Из-за интуитивности статистической оценки не совпадают и списки „биаспективов“, приводимые разными исследователями. Маслов насчитывает около 50 безаффиксных биаспективов (*сия, каля, плюя, пия, гостя, честитя, ида, пиша, броя, строя, тегля, паза-*

ря се, ценя, черня и др., иногда и *видя*). В отдельную группу выделяет он, не называя их „биаспективами“, глаголы *мога, имам, нямам, съм*, и говорит, что они могут появляться и в значении совершенного вида (Маслов 1981, с. 198–199). К. Иванова, однако, считает, что безаффиксные „биаспективы“ болгарского происхождения „почти не встречаются“ (Грамматика 1983, с. 260) и указывает лишь единичные примеры. Маслов (1981, с. 200) включает в „биаспективы“ большую группу глаголов с суффиксом *ув* (*арестувам, публикувам, приветствувам, атакувам, докладвам* и др.), а К. Иванова (Грамматика 1983, с. 261) считает их имперфективными. Иванчев (1971, с. 167) и Станков (1980, с. 8) причисляют глагол *ям* к „двувидовым“, а К. Иванова называет его имперфективным.

При отсутствии принципиального различия между „биаспективами“, и всеми прочими „имперфективами“ более логичным и точным было бы следующее описание.

Среди болгарских глаголов, обозначающих действия, не маркированные перфективностью, есть такие, которые относительно часто (эксплицитная глоттометрия привела бы здесь вероятность появления) употребляются во фразах, включающих контекстные детерминаторы с перфективирующей семантикой. Такие глаголы будем называть биаспективами. Остальные болгарские глаголы, в которых нет морфемы, указывающей на целостность действия, т. е. все остальные „имперфективы“, относительно редко попадают в перфективирующие фразы (эксплицитная глоттометрия требует указать вероятность пренебрежимости), и поэтому не будем их называть биаспективами, хотя любой из них может попасть во фразу, содержащую перфективирующие контекстные детерминаторы.

Перфективирующие контекстные детерминаторы называют объекты, прямые или косвенные, указывающие на предел, до которого доведено или будет доведено действие. Это, например, для глагола *пиша* — так наз. внутренний объект *писмо*, для *вървя* — косвенный объект *на училище*.

Именно имплицитная глоттометрия (наличие порога вероятностной пренебрежимости) прежде всего является причиной постулирования различия „биаспективность — отсутствие биаспективности“, различения, противоречащего пониманию несовершенного вида как беспризнакового члена привативной оппозиции. Но есть и другие причины, затушевывающие в сознании аспектологов принципиальную несовместимость понятия „биаспективность“ как характеристики части класса имперфективов с такой трактовкой несовершенного вида.

Непривычность яacobсоновской трактовки оппозиции „совершенство — несовершенство“, вызывающая в практике лингвистов отклонения от этой трактовки вопреки её теоретическому признанию, связана и с проблемой носителей семантики перфективности и семантики имперфективности.

Морфематика глаголов совершенного вида неоднородна. Часть глагольных основ, которые считают основами совершенного вида, морфематически более сложна, чем соответствующие им основы глаголов несовершенного вида. Например, болгарская глагольная перфективная основа *направи* сложнее имперфективной основы *прави*. При таких парах основ беспризнаковость имперфективной основы подтверждается морфематическим анализом: *прави* морфематически беднее, чем *направи*. Здесь вполне правомерна аналогия: *направи* относится к *прави* так же, как *цветной телевизор* к *телевизор*. Затруднения вызываются тем, что семантика „совершенный вид“ (или „перфективность“, „целостность“, „тотальность“, „комплексность“) сигнализируется большим классом морфем — префиксальными морфемами. И из многообразия префиксов практически невозможно выделить фонетический инвариант, с которым можно было бы связать семантику „перфективность“.

Кроме того, есть глаголы, в которых на перфективность основы указывает не префикс, а суффикс *н*, например, в болгарской разговорной речи: *Правне едни обуца*,

платят му и отиде, та се напише; Ровне тук, ровне там, не намери, каквото търси, и заплаче.

Невозможность найти фонетический инвариант, который можно было бы рассматривать как морфемный экспонент граммемы „перфективность“, должна была привести к мысли, что „перфективность“ — это семантика какого-то иного порядка, отличная от семантики, сигнализируемой определённой одной морфемой. Существование в болгарском (и русском) языке одинаково звучащих глагольных основ, воспринимаемых в разных контекстах как перфективные или как не отмеченные перфективностью, привело Л. Андрейчина к поискам различия между перфективностью и отсутствием перфективности не в морфемном составе форм, а в том, что морфемы, составляющие перфективную основу, связываются (сочленяются) в иной последовательности, чем морфемы в основе имперфективной (Андрейчин 1944, § 228 и § 229).

Для Л. Андрейчина перфективное *нападали* (русское *нападали*) является результатом сочетания морфем *на-пад-али* в следующей последовательности: *на* + (*пад* + *али*). Имперфективное же *нападали* (русское *нападали*) представляет собой результат сочетания тех же морфем в другой последовательности: (*на* + *пад*) + *али*. Ср. у Андрейчина анализ *западам* (Андрейчин 1944, § 229).

Перфективность — это не что иное, как присоединение префикса в последнюю очередь, а имперфективность — присоединение префикса на более раннем этапе образования формы (последней присоединена морфема другого типа).

Такова сущность понимания Андрейчиным процесса генерирования основ совершенного и несовершенного видов. Пожалуй, в работах аспектологов не предлагалось такое объяснение — сведение различия между перфективными и имперфективными глагольными основами к последовательности построения полиморфемы. При обсуждении глагольного словообразования, правда, нередко говорят, что, например, глагол совершенного вида *наносить* образован от беспрефиксального глагола несовершенного вида *носить*, а глагол несовершенного вида *наносить* образован от перфективного глагола *нанести*. Но эти факты обычно не связывают с проблемой носителей семантики перфективности и семантики имперфективности и с сущностью различия между имперфективными и перфективными глагольными полиморфемами.

Идея Л. Андрейчина даёт импульс для поиска решения многих проблем, связанных с видообразованием в славянских языках.

1. Отпадает проблематика, связанная с так наз. чисто видовыми префиксами. Семантика префикса не указывает непосредственно на перфективность. Перфективизирующие префиксы сообщают о пространственном или временном пределе, но перфективность — по существу не этот предел, а факт, что префикс включен в состав основы в последнюю очередь, т. е. информация о пределе подается последней. Префиксы модифицируют предел по-разному, чисто видовых префиксов нет.

Процесс порождения болгарского перфективного *нападали* можно объяснить словами так: „падали до предела, обозначенного префиксом *на*, т. е. до какой-то поверхности, где закончился процесс падения“. Имперфективность же болгарского *нападали* можно истолковать как „нападения делали (без указания на то, закончился ли процесс делания нападений)“.

Разумеется, такими трансформациями невозможно точно передать семантику морфем *на*, *пад* и *али*. Но они дают достаточно ясное представление об отношении понятия „перфективность“ к тому, что называют „имперфективностью“.

Семантики „имперфективности“ вообще нет. Как только морфема, указывающая на предел, законченность действия, оказывается не „последним кирпичиком“ в полиморфеме, полиморфема перестаёт быть перфективной, т. е. перестаёт информировать о закон-

ченности действия, что совсем не означает, что она указывает на отсутствие законченности действия.

Подобная оценка семантики „имперфективность“ высказывается в работах некоторых аспектологов: „Несовершенный вид лишен определённого семантического признака...“ (Рассудова 1968, с. 7); „...элементът нецялостност в значението на несвършения вид, колкото и да е съществен, е изграден върху основата на неутралния (немаркирания) характер на несвършения вид — с помощта на контекстови детерминатори...“ (Станков 1980, с. 37).

Расширенная не указывающей на предел действия морфемой, „перфективная“ часть полиморфемы перестает обозначать перфективность. Так, морфема *напад* будет перфективной, если воспринимающему будет ясно, что к корню *пад* был присоединен префикс *на*, а не наоборот. Фактически префиксы и суффикс *н* — такие же контекстные детерминаторы, как, например, *кураж* или *смелост*.

2. Становится ясно, откуда берется перфективирующая роль суффикса *н*. Перфективные глагольные основы, содержащие этот суффикс, порождены включением суффикса *н* в готовую дисперсную (циркумфиксальную) морфему, уже содержащую глагольные окончания. Следовательно, перфективность здесь возникает на основании того факта, что суффикс *н* указывает на предел процесса после того, как этот процесс описан остальными компонентами глагольной основы. Например, в болгарском *ахнал* последовательность построения такова: (*ах + ал*) + *н*, „довел аханье до быстрого конца“. А построение болгарского *съхнал* иное: (*съх + н*) + *ал*, „процесс высыхания делался, происходил (без указания, был ли он доведен до конца или нет)“.

Возможный вопрос, почему нет имперфективного „омонима“ у *ахнал* и перфективного у *съхнал*, прямо связан с проблемой биаспективов в болгарском и других славянских языках.

Ведь в болгарском языке широко распространены фразы типа *Съхне, съхне — и загине*. В подобных фразах *съхне* воспринимается как полиморфема с „последним кирпичиком“ *н*, указывающим на предел во времени; следовательно, это форма перфективная. В то же время глагол *съхне* может быть и ответом на вопрос *Какво прави?*, и тогда *съхне* — форма, не указывающая на доведение процесса до конца, но не указывающая и на недоведение процесса до конца.

Труднее показать, что глаголы, обычно выступающие в роли перфективных, когда перфективирующий суффикс *н* перестаёт быть „последним кирпичиком“, могут употребляться как глаголы несовершенного вида, не дающие информации о законченности или незаконченности действия. Но и для них можно найти типы фраз, где они осознаются как „имперфективные“. Так, есть фразы, где обычно „перфективный“ глагол *падне* по „видовой“ семантике не отличается от глаголов типа *съхне*. Например, *Тя чезне и падне* или *Тя вехне и падне*. В этих фразах *падне* соответствует русскому *теряет силы, теряет живучесть* („отпадает“). Даже *ахне* можно употребить во фразах типа *Той все ахне* — русское *частенько поахивает*.

3. Как понимать в таком случае первичные „перфектива тантум“, не имеющие ни префикса, ни суффикса *н*, ни какого-либо иного „последнего кирпичика“? Болгарские и русские списки таких глаголов не совпадают и различаются по количеству. В болгарском в качестве примеров приводят чаще всего глаголы *видя, чуя, купя*. Но диалектологические данные свидетельствуют что *видя* и *чуя* достаточно часто выступают как имперфективные в традиционном смысле: *Той види — не е слеп; чуе още он*. Маслов характеризует *видя* как перфектив, который „иногда“ является биаспективом. Он отмечает также, что перфективы *глобя, даря, кажа, чуя* могут употребляться и с „несовершенным видовым значением“ (Маслов 1981, с. 197–198).

Значительно реже можно услышать глагол *купя* вместо *купувам* или *купуем* (на западе Болгарии). На вопрос *Какво (що) правиш?* не невозможно услышать наряду с более привычным и литературным *купувам* также *куним*. Именно в таких случаях проясняется, каким образом истолковывают болгары корень этого глагола: *Купим, трупам (нивици)*. Данная фраза подсказывает ассоциацию между корнем глагола *куним* и болгарским существительным *куп*.

Почти все глаголы этого типа, приводимые в грамматиках болгарского языка — либо бывшие „имперфективы“ (т. е. перестали употребляться как „имперфективы“ выше порога вероятностной пренебрежимости), либо им всегда сопутствуют контекстные детерминаторы в виде прямых или косвенных объектов, исполняющие роль указывающего на предел „последнего кирпичика“ в построении фразы, содержащей данный глагол. Так, например, глагол *купя* обычно (за исключением фраз указанного выше типа) сопровождается прямым объектом: *ще купя круши* и под.; стало быть, о перфективности сообщает контекст.

4. При такой трактовке понятий „перфективность“ и „имперфективность“ возникает вопрос, где воспринимающий находит информацию о том, является ли префикс или суффикс *н* „последним кирпичиком“ в глагольной форме. Нет сомнения, что такую информацию он находит в контексте соответствующих глагольных форм. Андрейчин для перфективного *нападаха* приводил в лекциях фразу *Крушите нападаха под дървото*. Здесь на оценку префикса *на* как „последнего кирпичика“ указывает контекстный детерминатор *под дървото*; *под дървото* — часть фразы, которая включена в её состав до включения в неё префикса *на*. В данной фразе глагол *нападаха* образован от глагола *падаха* в сочетании со всеми остальными компонентами фразы: сначала было *крушите падаха под дървото*, а что они „кончили падать“ — выражено именно префиксом *на*.

Выражение „кончили падать“ не означает, что *на* надо расценивать как чисто видовую приставку. Семантика *на* не исчерпывается сигнализацией того, что выражает „кончили“. Сопоставление с *нападаха под дървото* или *изнападаха под дървото* показывает наличие особого семантического оттенка *на* на фоне *по* и *изпо*. Впечатление, что *на* — чисто видовая приставка, легко объяснимо глоттометрически: *на* — алломорфа одной из наиболее частых болгарских морфем. А чем чаще появляется морфема в тексте, тем беднее её семантика.

5. Обычно в болгарских грамматиках говорят об „имперфективирующих“ суффиксах. Получается, что немаркированный член оппозиции имеет свою „марку“ (имперфективирующий суффикс) со странной семантикой „ничего не сообщая о законченности или незаконченности действия“. Очевидно, называть „имперфективирующими“ эти суффиксы можно лишь в том смысле, что, появляясь во фразе, в глагольной форме, они только снимают роль перфективирующего суффикса как последнего компонента формы, сами становятся „последним кирпичиком“ (эпиморфой — аналогом ремы в синтагме). Но они имеют свою собственную семантику, хотя и бедную (это морфемы с очень высокой частотой появления). В болгарских грамматиках говорят о суффиксах *ва* и *'а*. Оба эти суффикса — не мономорфемы. В них *а* — тематический суффикс глаголов *а*-класса, достаточно часто появляющийся и в „перфективных“ глагольных формах (*нападам* и др.). Следовательно, только *в* и „дизезность“ перед *а* должны якобы указывать на имперфективность. Это утверждение легко опровергнуть. Ведь суффикс *в* указывает на кратность действия, мгновенность, краткость действия. В болгарском языке он широко распространен как суффикс, с помощью которого образуются глагольные лексемы, называемые Иванчевым НСВ₁ и обозначающие (по Иванчеву) неактуальные, но комплексные действия. Например, болгарское *пийвам*, в отличие от *пия*, означает „время от времени, понемножку, недолго пью“ (не обязательно в момент речи).

Что касается морфемы „дизность“, это одна из алломорф болгарского (и русского) тематического суффикса *и*, с помощью которого образуются глаголы *и*-класса. С ним обычно связывают семантику каузативности.

Библиография

- Андрейчин 1944: Л. Андрейчин. *Основна българска граматика*. София, 1944 (1. изд.).
- Грамматика 1983: *Грамматика на съвременния български книжовен език*. Том II. *Морфология*. София, 1983.
- Иванчев 1971: Св. Иванчев. *Проблеми на аспектуалността в славянските езици*. София, 1971.
- Маслов 1963: Ю. С. Маслов. *Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке*. Москва–Ленинград, 1963.
- Маслов 1975: Ю. С. Маслов. Русский глагольный вид в зарубежном языкознании последних лет. *Известия воронежского госпединститута*, т. 146. Воронеж, 1975.
- Маслов 1981: Ю. С. Маслов. *Грамматика болгарского языка*. Москва, 1981.
- Рассудова 1968: О. П. Рассудова. *Употребление видов глагола в русском языке*. Москва, 1968.
- Станков 1980: В. Станков. *Глаголният вид в българския книжовен език*. София, 1980.